

МАЙЯ НУР

Не звони
мне.

Он разрушил
нашу любовь.
А теперь хочет
вернуть.

Дыбший

не по плану

Майя Нур

БЫВШИЙ не по плану

<https://litres.ru/74547017>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад Павел разрушил их брак одним решением.
Он поверил чужой лжи, не дал Кате объясниться и поставил точку там, где ещё можно было бороться.
Катя выжила. Собрала себя заново. Научилась жить без него.
А потом получила работу мечты.
Три километра новой набережной. Крупный городской проект.
Шанс, который бывает раз в жизни.
Есть только одна проблема.
Главный архитектор проекта — её бывший муж.
Тот самый мужчина, который однажды выбрал не её.
Теперь Павел знает правду. Знает, что Катя была невиновна.
И впервые понимает цену своей ошибки.
Но некоторые вещи нельзя исправить словами.
Некоторые раны не заживают даже спустя годы.
И если второй шанс существует, его ещё нужно заслужить.

Содержание

Глава 1. Вторник, набережная и человек которого не должно быть	4
Глава 2. Среда, первая рабочая встреча и правила которые придумываю сама	17
Глава 3. Пятница, вся команда и человек с фотоаппаратом	34
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Майя Нур

Бывший не по плану

Глава 1. Вторник, набережная и человек которого не должно быть

Вторник начинается хорошо.

Это тоже подозрительно — но я уже не такая параноидальная как раньше. Хорошее утро может быть просто хорошим утром. Необязательно предвестник катастрофы.

Хотя.

Смотрите что бывает когда расслабляешься.

Восемь утра. Я стою у мастерской с кофе и смотрю на улицу. Ноябрь, холодно, первый снег был вчера и уже растаял — Москва в ноябре не держит снег, это принципиальная позиция города.

Телефон вибрирует. Издательство.

— Катя, — говорит Марго, мой редактор, голосом человека который несёт хорошую новость и сам этому рад. — У нас большой проект. Очень большой.

Марго умеет говорить «очень большой» так что слышишь бюджет.

— Слушаю.

— Городской проект. Новая набережная — арт-объекты, навигация, иллюстрированные стенды вдоль всего маршрута. Три километра. — Пауза для эффекта. — Они хотят тебя.

Я смотрю на кофе.

— Кто «они»?

— Команда архитекторов. Городской заказ, серьёзный. Бюджет — Катя, там бюджет хороший.

Она называет цифру.

Я смотрю на улицу.

— Когда встреча?

— Сегодня в три. Офис на Красносельской. Я пришлю адрес.

— Хорошо.

— Катя. Это важный проект. Если всё получится — это твоё имя на набережной буквально. Физически. На три километра.

Я думаю о том что моё имя на три километра — это, пожалуй, неплохо для ноябрьского вторника.

— Буду в три, — говорю я.

В три без пяти я стою перед офисом на Красносельской. Нормальное здание. Стекло, бетон, название компании на входе: «Черкасов и партнёры. Архитектурное бюро».

Я смотрю на название.

Потом смотрю ещё раз.

«Черкасов и партнёры».

Черкасов — распространённая фамилия. Очень распространённая. В Москве тысячи Черкасовых.

Я вхожу.

Ресепшен. Девушка с улыбкой. Переговорная номер три, третий этаж, вас ждут.

Я еду в лифте.

Думаю — без причины, просто так — о том что три года это долго. Три года это достаточно чтобы стать другим человеком. Чтобы зарастить. Чтобы место которое болело — не болело уже, просто иногда ныло при смене погоды.

Как сейчас, например.

Стоп.

Я выхожу из лифта.

Нахожу переговорную три.

Стучу. Открываю.

За столом сидят четыре человека.

Я вижу их всех сразу — молодая женщина с ноутбуком, мужчина в очках, ещё кто-то у окна — и его.

Последним.

Потому что он сидит во главе стола и смотрит не на дверь а в бумаги. Поднимает взгляд когда я вхожу.

Павел Соколов.

Мой бывший муж.

Смотрит на меня.

Я смотрю на него.

В комнате — четыре человека которые не знают что сейчас происходит, и двое которые знают слишком хорошо.

Тишина длится секунду. Может две.

— Катерина Андреевна? — говорит молодая женщина с ноутбуком. — Присаживайтесь, мы вас ждали.

Я смотрю на Павла.

— Мне нужно знать, — говорю я. — Это совпадение?

Он смотрит на меня.

— Нет, — говорит он.

Я разворачиваюсь и выхожу.

В коридоре я стою у окна и смотрю на Красносельскую улицу вниз.

Дышу.

Один вдох. Другой.

Думаю — быстро, как умею — о том что сейчас произошло. Он знал что я приду. Пригласил меня намеренно или попросил кого-то пригласить. Это не случайность.

Три года.

Три года прошло и он — что? Думает что можно вот так? Что достаточно сказать «не совпадение» и всё объяснится?

За спиной открывается дверь переговорной.

— Катя?

Я не оборачиваюсь.

— Уйди.

— Послушай...

— Я сказала уйди.

Пауза.

— Хорошо, — говорит он. — Но проект реальный. Это не повод чтобы ты пришла — просто ты лучший иллюстратор для него. Это правда.

— Это не имеет значения.

— Имеет. Для проекта имеет.

Я молчу.

— Ты можешь уйти сейчас, — говорит он. — Это твоё право. Но подумай. Это три километра набережной в центре Москвы. Это твоя работа на виду у всего города. — Пауза. — Я не прошу ничего кроме профессионального разговора.

Я стою у окна.

Думаю.

Три километра набережной.

Моё имя на три километра.

— Пять минут, — говорю я. — Я возвращаюсь, слушаю про проект, задаю вопросы. Если меня устраивают условия — работаем. Профессионально. Если нет — я ухожу и ты больше не контактируешь со мной по нерабочим вопросам. Никогда.

Долгая пауза.

— Договорились, — говорит он.

Я разворачиваюсь.

Смотрю на него первый раз нормально — не шок, просто смотрю.

Три года. Он почти такой же. Чуть старше — не плохо, просто иначе. Смотрит на меня — внимательно, осторожно, как смотрят на что-то хрупкое которое уже разбивали однажды и помнят об этом.

Я иду обратно в переговорную.

Проект действительно хороший.

Это злит отдельно — было бы легче если бы был плохой.

Новая набережная, три километра, от Сити до Воробьёвых гор. Арт-объекты через каждые двести метров — иллюстрированные стенды с историями мест, с картами, с персонажами. Концепция — город как живой организм, у каждого участка свой характер. Нужен иллюстратор который умеет создавать мир, не просто картинки.

Марина — молодая женщина с ноутбуком, помощник Павла как выясняется — показывает референсы, объясняет задачу. Говорит чётко, по делу. Мне нравится как она работает.

Я задаю вопросы.

Павел молчит почти всё время. Один раз уточняет что-то технически. Смотрит в основном в бумаги.

Это, как ни странно, помогает.

— Сроки? — говорю я.

— Восемь месяцев, — говорит Марина.

— Это плотно.

— Да. Открытие — следующий октябрь, к юбилею города.
Я смотрю на референсы.

Думаю.

Восемь месяцев. С ним в одном проекте. Встречи, соглашения, правки. Его голос, его лицо, его — всё.

И три километра набережной.

— Мне нужно время подумать, — говорю я.

— Сколько? — говорит Марина.

— До завтрашнего утра.

— Хорошо.

Я встаю. Беру пальто.

— Катерина Андреевна, — говорит Павел.

Я останавливаюсь. Не оборачиваюсь.

— Это всё, — говорит он. — На сегодня всё.

Я понимаю что он имеет в виду — не будет ничего личного, не сейчас. Держит слово.

— Хорошо, — говорю я.

И выхожу.

На улице — ноябрь, темнеет рано, уже почти темно. Я иду к метро и звоню Вере.

Она берёт после второго гудка.

— Привет. Как ты?

— Нормально, — говорю я. — Слушай. Ты сейчас можешь говорить?

— Да. Что случилось?

— Я только что видела Павла.

Тишина.

— Где? — говорит Вера тихо.

— На рабочей встрече. Он главный архитектор проекта для которого меня зовут иллюстратором.

— Катя.

— Да?

— Это совпадение?

— Он сам сказал что нет.

Долгое молчание.

— Как ты? — говорит Вера.

— Нормально. — Я думаю. — Честно — нормально. Я не упала в обморок, не расплакалась, не разбила ничего. Просто увидела и — нормально.

— Это хорошо?

— Не знаю. Наверное.

— Что ты будешь делать?

— Не знаю ещё. Проект хороший. Очень хороший. — Пауза. — Три километра набережной, Вер.

— Я слышу.

— Я не хочу отказываться из-за него. Снова. Он уже однажды что-то у меня отнял. Я не дам ещё раз.

Вера молчит секунду.

— Ты уже решила, — говорит она.

Я стою у входа в метро.

— Да, — говорю я. — Наверное да.

— Хорошо, — говорит Вера. — Катя.

— Что?

— Если нужно — приходи. Сегодня, завтра, когда угодно.

— Спасибо.

— Максим сварит что-нибудь.

— Максим варит суп только по рецепту, — говорю я.

— По очень хорошему рецепту, — говорит Вера.

Я улыбаюсь — неожиданно для себя.

— Хорошо, — говорю я. — Может зайду.

Дома — мастерская, северный свет уже не работает, темно

— я сижу за столом и смотрю на чистый лист.

Думаю.

О Павле. О том как он смотрел — осторожно, как на хрупкое. О том что три года назад он смотрел иначе — с такой уверенностью в том что я виновата, что я тогда сама начала сомневаться. Секунды на три. Потом пришла злость — хорошая, рабочая злость которая помогла пережить всё остальное.

Я беру карандаш.

Рисую — не думая, просто рисую. Лисёнок — тот самый, из книги. Стоит у края чего-то. Смотрит вниз.

Внизу — не темнота.

Внизу — набережная.

Я смотрю на рисунок.

Потом пишу Марине — нашла её контакт в письме от Марго — коротко:

«Я берусь за проект. Давайте обсудим условия завтра».

Отправляю.

Кладу телефон.

Смотрю на лисёнка.

— Ну, — говорю я ему. — Не по плану.

Лисёнок молчит. Он всегда молчит — это его работа, молчать и смотреть вниз с края чего-то.

Моя работа — рисовать его.

И иногда — узнавать в нём себя больше чем хочется.

Ночью — не сплю.

Это ожидаемо.

Лежу и думаю. Не о проекте — о том что он сказал. «Не совпадение». Два слова. Что это значит?

Он искал встречи. Специально. Три года прошло и он — что? Хочет объяснить? Извиниться? Вернуться?

Я думаю об этом и жду в себе — злость, боль, что угодно.

Находится что-то.

Но не злость и не боль.

Любопытство.

Это хуже всего.

Я переворачиваюсь на другой бок.

— Нет, — говорю я темноте. — Не надо.

Темнота не отвечает.

Любопытство остаётся.

Утром — я на встрече с Мариной.

Офис без Павла — он на другом объекте, Марина говорит это сразу, и я не понимаю радоваться этому или нет.

Марина оказывается нормальным человеком.

Больше чем нормальным — она думает быстро, говорит по делу, не тратит слов на лишнее. Мы за сорок минут обсуждаем объём, сроки, правки, форматы. Она знает что хочет. Я знаю что могу.

— Вы давно в бюро? — спрашиваю я.

— Два года. — Она смотрит на меня прямо. — Я знаю кто вы для него.

Я смотрю на неё.

— И?

— Ничего, — говорит Марина. — Просто — знаю. Чтобы не было недопонимания. — Пауза. — Он хороший архитектор. Иногда сложный человек. Но проект ведёт честно.

— Это аттестация?

— Это информация, — говорит она. — Что с ней делать — ваше дело.

Я смотрю на неё.

— Вы прямая.

— Стараюсь, — говорит Марина. — Тратить время на обходные пути неэффективно.

Мне это нравится. Я не говорю вслух — но нравится.

— Хорошо, — говорю я. — Тогда и я прямо: я работаю профессионально. Личное не влияет на результат. Если это условие соблюдается с обеих сторон — проблем не будет.

— Соблюдается, — говорит Марина.

— Хорошо.

Мы жмём руки.

Выхожу из офиса.

На улице — ноябрь, холод, запах первого снега который собирается но не решается.

Достаю телефон. Пишу Вере:

«Взялась за проект».

Она отвечает быстро:

«Как ты?»

«Нормально. Любопытно немного».

«Любопытно — это опасно».

«Знаю».

«Катя».

«Что?».

«Ты самый сильный человек которого я знаю».

Я стою на улице с телефоном.

«Это не комплимент это наблюдение?» — пишу я.

«Обе вещи сразу», — пишет Вера.

Я улыбаюсь.

Убираю телефон.

Иду к метро.

Восемь месяцев. Три километра набережной. Один бывший муж.

Не по плану.

Ну и ладно.

Я умею работать с не по плану.

Глава 2. Среда, первая рабочая встреча и правила которые придумываю сама

Первая полноценная рабочая встреча — в среду.

Я прихожу вовремя. Минута в минуту — не раньше, не позже. Это принципиально. Раньше — значит нервничаю. Позже — значит демонстрирую что мне всё равно. Минута в минуту — значит профессионал.

Марина встречает меня у входа.

— Все собрались, — говорит она. — Пойдёмте.

— Он там?

— Да.

Я киваю.

Мы идём.

Переговорная другая — не та что в первый раз. Больше, светлее, с макетом на центральном столе. Набережная в масштабе — три километра в миниатюре, детали проработаны, видно что работали долго.

Я смотрю на макет.

За столом — шесть человек. Павел во главе. Рядом с ним — мужчина которого я не видела в первый раз: лет тридцати пяти, с фотоаппаратом на шее и видом человека кото-

рому везде интересно. Это, как выясняется, Дима — фотограф проекта, снимает процесс строительства и будет снимать объекты для финальной документации.

Дима смотрит на меня с тем профессиональным интересом фотографа которому всё хочется поймать в кадр.

— Катерина? — говорит он. — Слышал про вас. Лисёнок — это вы?

— Я.

— Хорошая книга. Мой племянник требует читать каждый вечер. Уже наизусть знает.

— Рада слышать.

— Дима, — говорит Марина. — Потом.

— Всегда потом, — говорит Дима, но без обиды — просто констатирует.

Я сажусь. Напротив Павла — так получается по расположению мест. Он смотрит на макет. Я смотрю на макет.

— Начнём, — говорит он.

Встреча идёт два часа.

Павел ведёт — чётко, по структуре. Объясняет концепцию: каждый участок набережной — отдельный характер. Исторический район — один стиль, промышленный — другой, парковый — третий. Иллюстрации должны не просто украшать — рассказывать. Создавать ощущение что набережная живёт.

Я слушаю. Задаю вопросы.

Он отвечает — профессионально, без лишнего. Ни одного взгляда который был бы не про работу. Держит.

Я отмечаю это — просто фиксирую. Держит слово.

— Первый участок, — говорит Марина, — исторический. Здесь были купеческие склады, потом фабрика. Хотим показать слои времени — не музейно, живо. Ваши персонажи должны существовать в нескольких временных пластах одновременно.

Я смотрю на этот участок макета.

— Один персонаж в разных эпохах? — говорю я.

— Именно, — говорит Павел.

— Тогда нужен сквозной — тот кто проходит через всё. Не меняется по сути, меняется по контексту.

— Да, — говорит он. — Именно это мы имеем в виду.

Мы смотрим на макет одновременно. Я это замечаю — что смотрим в одну точку и думаем, кажется, в одном направлении.

Это неприятно.

Не потому что плохо — потому что хорошо. А хорошо не должно быть. Не сейчас. Не с ним.

— Хорошо, — говорю я. — Мне нужна неделя на концепцию. Предложу несколько вариантов сквозного персонажа — выберете.

— Две недели, — говорит Павел.

Я смотрю на него.

— Я сказала неделю.

— Я говорю — возьмите две. Не нужно торопиться с концепцией. Лучше правильно, чем быстро.

Молчание.

— Хорошо, — говорю я. — Две недели.

Дима смотрит на нас. Потом в потолок. С видом человека который что-то заметил но благоразумно молчит.

После встречи я остаюсь — хочу посмотреть на макет подробнее, одна, без людей. Марина уходит последней, говорит «макет можно трогать, только аккуратно» и закрывает дверь.

Я стою над макетом.

Три километра набережной в масштабе. Архитекторы — они умеют вот так: взять огромное и сделать маленьким, понятным, помещающимся на стол. Я работаю наоборот — беру маленькое, внутреннее, и делаю видимым для всех.

Мы с ним, думаю я неожиданно, работаем в противоположных направлениях.

Дверь открывается.

Я не оборачиваюсь — знаю по шагам.

— Я сказала — только рабочие вопросы, — говорю я.

— Это рабочий, — говорит Павел.

— Тогда говори.

Он подходит — встаёт у другого края макета, напротив меня. Смотрит на набережную между нами.

— Здесь, — он указывает на центральный участок, — мы хотим самый сложный объект. Большой иллюстрированный

павильон. Не стенд — настоящее пространство, крытое, с историей внутри. Это главное.

Я смотрю на указанный участок.

— Сколько площадь?

— Двести квадратов внутри.

— Это не иллюстрации — это роспись.

— Да.

— Это другой разговор про бюджет.

— Бюджет есть, — говорит он.

— И про время.

— Время тоже есть. Этот объект — последний, открывается вместе с набережной. У вас будет больше всего времени именно на него.

Я смотрю на макет.

Двести квадратов. Роспись. История места.

Это, думаю я, очень интересно.

— Хорошо, — говорю я. — Это отдельное техническое задание. Отдельно от стендов.

— Конечно.

Я продолжаю смотреть на макет.

Молчание.

— Катя, — говорит он.

— Это уже нерабочее.

— Я хочу сказать одну вещь. Одну. После — не буду.

Я молчу.

Это не согласие. Но и не отказ.

Он понимает это правильно.

— Я знаю что у меня нет права просить тебя слушать, — говорит он. — Я не прошу. Просто — есть кое-что что ты должна знать. Не ради меня. Ради себя.

— Ты только что сказал «одну вещь» и говоришь уже третье предложение.

Пауза.

— Да, — говорит он. — Прости.

— Не надо просить прощения за предложения. — Я наконец смотрю на него. — Что ты хочешь сказать?

Он смотрит на меня.

— Я узнал правду, — говорит он. — О том что произошло. О Светлане. — Пауза. — Я знаю что ты не делала того в чём я тебя обвинил.

Тишина.

Такая, что слышно как где-то в коридоре работает принтер.

Я смотрю на него.

— Когда узнал? — говорю я. Голос — ровный. Сама удивляюсь.

— Четыре месяца назад.

— Четыре месяца.

— Да.

— И ты четыре месяца знал — и ничего?

— Я искал способ, — говорит он. — Как подойти. Что сказать. — Пауза. — Потом появился этот проект. И я понял

что это — возможность.

Я смотрю на него.

Думаю.

Четыре месяца он знал что я не виновата. Четыре месяца думал как подойти. Потом нашёл проект — или создал проект — и пригласил меня.

— Это было честно? — говорю я. — Использовать проект чтобы получить встречу?

— Нет, — говорит он. — Не честно. Но проект настоящий. Тебя хотели именно потому что ты лучший иллюстратор для него.

— И твоя совесть спокойна.

— Нет, — говорит он. — Совесть не спокойна. Совесть не была спокойна три года. — Пауза. — Катя. Я не прошу ничего. Я просто хотел чтобы ты знала.

Я смотрю на него.

На его лицо — спокойное снаружи, как всегда умел держать. Но я знала его два года. Видела что под спокойным.

Под спокойным сейчас — что-то тяжёлое. Давнее.

— Хорошо, — говорю я наконец. — Я слышала.

— Это всё что я хотел.

— Это не меняет ничего, — говорю я.

— Я знаю.

— Ты думал что скажешь и что-то изменится?

— Нет, — говорит он. Тихо. — Я думал что скажу и мне будет чуть легче нести то что я сделал.

Я смотрю на него.

Это честно.

Это неприятно честно — потому что легко злиться на человека который оправдывается. На человека который говорит «мне так легче» злиться сложнее.

— Тебе легче? — говорю я.

— Нет, — говорит он. — Хуже. Потому что вижу тебя.

Я разворачиваюсь. Беру пальто.

— Две недели на концепцию, — говорю я. — Жди скетчей.

— Хорошо.

— И Павел.

— Да?

— Больше не надо таких разговоров. Ни «одна вещь», ни «просто хочу сказать». Мы работаем. Этого достаточно.

Долгая пауза.

— Хорошо, — говорит он.

Я выхожу.

На улице — снег наконец решился. Мелкий, ноябрьский, не настоящий ещё — просто обозначение зимы.

Я иду к метро.

Иногда когда много думаю начинаю говорить о себе в третьем лице. Это профессиональная деформация иллюстратора — привыкла смотреть на персонажей снаружи.

Сейчас я смотрю на себя снаружи и вижу: человек идёт по

ноябрьской улице, снег в волосах, руки в карманах, лицо — непонятно.

Непонятно мне самой что на лице.

Не злость. Не облегчение.

Что-то среднее. Что-то что бывает когда ждал одного — боли, например — а получил другое. Информацию.

Он знает что она не виновата.

Три года назад он мог это проверить. Должен был. Не проверил.

А теперь знает.

И говорит «мне хуже потому что вижу тебя».

— Ну и хорошо что хуже, — говорю я вслух. Негромко, в снег.

Прохожий смотрит на меня.

— Извините, — говорю я. — Думала вслух.

Прохожий ускоряет шаг.

Я захожу в метро.

Дома — рисую.

Не лисёнка на этот раз.

Рисую реку. Берег. Человека который стоит на берегу и смотрит на воду. Не видно лица — только силуэт. Непонятно мужчина или женщина.

Рядом — ещё один силуэт. На другом берегу.

Между ними — вода.

Я смотрю на рисунок.

— Слишком буквально, — говорю я.

Беру бумагу. Начинаю сначала.

На этот раз — просто набережная. Пустая. Зимняя. Снег на парапете. Фонари.

Никаких силуэтов.

Просто место.

Это лучше.

Поздно вечером — пишу Вере.

«Он сказал что знает правду. Что я не виновата».

Она отвечает быстро:

«Откуда узнал?»

«Не сказал. Только что знает».

«Как ты?»

Я думаю.

«Не знаю ещё. Странно. Думала что когда-нибудь услышу это — будет легче. А просто — странно».

«Это нормально».

«Он сказал "мне хуже потому что вижу тебя"».

Долгое молчание.

Потом Вера пишет:

«Это много — для него».

«Знаю».

«Ты злишься?»

«Должна. Но устала злиться три года. Странно злиться на человека который стоит и говорит что ему хуже».

«Ты не обязана его жалеть».

«Я не жалею. Просто — наблюдаю. Профессиональная деформация».

«Художник».

«Иллюстратор. Это немного другое».

«Приходи завтра ужинать. Максим сделает что-нибудь».

«По рецепту?»

«По очень хорошему рецепту».

Я смотрю на рисунок пустой набережной.

«Приду», — пишу я.

Ночью — сплю.

Это неожиданно.

Думала не засну — слишком много всего в голове. Но засыпаю быстро и сплю без снов. Хорошо, крепко, как спят люди которые приняли решение и оно правильное.

Утром — смотрю в потолок.

Думаю о набережной. О трёх километрах. О сквозном персонаже который проходит через все эпохи.

Думаю — какой он, этот персонаж.

Не лисёнок. Лисёнок — моё, личное, отдельное.

Здесь нужен кто-то другой.

Кто-то, кто стоит на берегу и смотрит на воду. Во всех эпохах — стоит и смотрит. Город меняется, река остаётся, и этот кто-то — тоже остаётся.

Я встаю.

Иду в мастерскую.

Беру карандаш.

И начинаю.

Две недели я рисую.

Приношу скетчи в назначенный день. Марина смотрит — сначала одна, потом зовёт Павла.

Он смотрит долго. Молча.

— Это, — говорит он наконец, — именно то что мы хотели. Даже больше.

Я жду.

— «Даже больше» — это хорошо или проблема?

— Хорошо, — говорит он. — Лучше чем мы думали.

Марина смотрит на скетчи.

— Мне нравится что он один и тот же, — говорит она. — Во всех эпохах — узнаваемый. Как будто место его помнит.

— Место и помнит, — говорю я. — Это идея: набережная как память. Не музей — живая память.

— Да, — говорит Павел. Тихо. — Именно.

Мы смотрим на скетчи.

Втроём.

Марина делает пометки. Павел — молчит.

Потом говорит:

— Один вопрос.

— Рабочий? — говорю я.

— Рабочий.

— Спрашивай.

— Персонаж — он один? Или в финале нас двое?

Я смотрю на него.

— Что ты имеешь в виду?

— В последнем, самом большом объекте, — говорит он.

— Павильон. Двести квадратов. История места. — Пауза.

— Он всё время один — или в финале появляется кто-то рядом?

Я смотрю на скетчи.

Думаю.

Вопрос рабочий. Концептуально важный — заканчивается ли история одиночеством или встречей.

— Я подумаю, — говорю я.

— Хорошо.

Я беру скетчи. Собираюсь.

— Катерина Андреевна, — говорит Марина. — Следующая встреча — в пятницу. Вся команда.

— Буду.

Выхожу.

В коридоре — Дима. Стоит, пьёт кофе, смотрит на свой телефон.

— О, — говорит он, увидев меня. — Хорошо поработали?

— Нормально.

— Нормально — это положительная оценка? — говорит он.

Я смотрю на него.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал однажды, — говорит он беззаботно. — Мне понравилось. Беру в оборот.

Я смотрю на него.

— Скетчи приняли? — говорит он.

— Да.

— Он сказал «именно то что хотели, даже больше»?

— Ты слышал?

— Стены тонкие, — говорит Дима. — И я стоял рядом. Случайно.

— Случайно.

— Абсолютно. — Он допивает кофе. — Катерина. Можно просто Катя?

— Можно.

— Катя. Он хороший архитектор. Это не значит что он хороший человек — я не знаю достаточно. Но архитектор — хороший. — Пауза. — Просто чтобы вы знали.

Я смотрю на него.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Не знаю, — говорит Дима. — Иногда говорю что думаю. Привычка.

— Плохая привычка.

— Говорят, — соглашается он.

Я иду к лифту.

— Катя, — говорит он в спину. — Лисёнок — правда хороший. Племянник уже знает наизусть страницу где лисёнок

первый раз видит друга.

Я останавливаюсь.

— Какую именно?

— Где он стоит и думает — а вдруг друг не настоящий. А друг стоит и ждёт. Просто ждёт.

Я стою у лифта.

— Хорошая страница, — говорю я.

— Да, — говорит Дима. — По-моему тоже.

Лифт открывается.

Я захожу.

Вечером — у Веры.

Максим действительно сварил что-то. По рецепту, хорошее — сегодня рыба, уже третий раз рыба по рецепту, он совершенствует.

Мы сидим за столом. Вера слушает. Максим ест и иногда смотрит на меня с тем внимательным взглядом которым смотрит на всё.

— Он спросил про персонажа, — говорю я. — Один он в финале или появляется кто-то рядом.

— Это рабочий вопрос, — говорит Вера.

— Да.

— Но не только.

— Да.

Молчание.

— Что ты ответила? — говорит Максим.

Я смотрю на него.

— Сказала — подумаю.

Максим кивает.

— Это правильный ответ, — говорит он.

— Потому что не знаю ещё?

— Потому что ответ должен быть твоим, — говорит он.

— Не его. Не тем что он хочет услышать. Твоим.

Я смотрю на него.

Максим Северов — который сам когда-то был закрытым человеком, который знает про длинные пути к правильным ответам — смотрит на меня спокойно.

— Да, — говорю я. — Ты прав.

— Иногда бывает, — говорит Максим.

Вера смотрит на него с улыбкой.

— Иногда, — говорит она.

Мы едим рыбу.

Домой я еду поздно.

В метро — думаю про персонажа. Про финал. Один он или двое.

Это рабочий вопрос. Концептуальный. Про набережную.

И немного — про другое.

Я смотрю в тёмное окно вагона.

Там — моё отражение. Размытое, как всегда в метро.

Рядом с отражением — никого.

Я думаю: три года назад рядом кто-то был. Потом не стало.

Потом я привыкла — одна, это нормально, это правильно.

А теперь он стоит в переговорной напротив и спрашивает:
один персонаж или двое.

— Ещё не знаю, — говорю я тихо. Своему отражению.

Отражение молчит.

Поезд едет.

Восемь месяцев впереди.

Три километра набережной.

Один бывший муж который знает правду.

И сквозной персонаж которому ещё предстоит решить —
оставаться одному или нет.

Не по плану.

Ну и ладно.

Глава 3. Пятница, вся команда и человек с фотоаппаратом

Пятничная встреча — вся команда.

Это значит десять человек в переговорной, макет на столе, кофе в неограниченных количествах и Дима который фотографирует всё включая кофейные стаканы потому что «документация процесса».

Я прихожу — снова минута в минуту.

Павел уже там. Марина рядом с ним, что-то показывает в ноутбуке. Дима ходит по периметру с фотоаппаратом. Остальные шестеро — архитекторы, конструктор, ландшафтный дизайнер — сидят или стоят, разговаривают.

— Катерина Андреевна, — говорит Марина, увидев меня.
— Познакомьтесь со всеми пока есть время до начала.

Меня знакомят.

Антон — конструктор, сорок лет, рукопожатие как у человека который привык работать руками. Соня — ландшафтный дизайнер, тридцать два, смотрит на всех немного свысока но не высокомерно — скорее как человек который всегда видит что именно растёт и где. Трое молодых архитекторов — Миша, Лера, Костя — явно команда Павла, работают вместе давно, понимают друг друга с полуслова.

Дима фотографирует момент когда я пожимаю руку Ан-

тону.

— Зачем? — говорю я ему.

— Первый день команды, — говорит он. — Потом интересно смотреть. Как люди были незнакомы, а потом — команда.

— Мы уже не первый день.

— Первый раз вместе все, — говорит он. — Считается.

Я смотрю на него.

— Ты всегда находишь обоснование.

— Профессиональная необходимость, — говорит Дима.

— Фотограф без обоснования — просто человек с камерой.

Я думаю об этом.

— Логично, — говорю я.

— Вот видите, — говорит он довольно.

Встреча начинается.

Павел ведёт — структурно, чётко, как в прошлый раз. Показывает общий план, распределяет участки между командой, объясняет взаимодействие.

Я слушаю и смотрю на него.

Не на него — на то как он работает.

С командой он другой чем в переговорной со мной. Там — осторожный, короткий, держится. Здесь — включён полностью. Слушает каждого, задаёт точные вопросы, когда не согласен говорит прямо но без давления. Молодые архитекторы не боятся предлагать — значит умеет создавать про-

странство.

Это, думаю я, хороший руководитель.

Это отдельно от всего остального.

Можно быть хорошим руководителем и плохим мужем.

Можно быть хорошим архитектором и человеком который поверил лжи не проверяя.

Это разные вещи.

Я это записываю внутри как факт и убираю.

— Катерина Андреевна, — говорит Павел.

— Да? — Возвращаюсь в комнату.

— Расскажите команде про концепцию персонажа. Они видели скетчи но лучше от вас.

Я встаю.

Рассказываю — про сквозного персонажа, про слои времени, про то что набережная как живая память. Команда слушает. Соня задаёт вопрос про взаимодействие с растениями — как персонаж будет существовать рядом с живыми объектами. Антон спрашивает про материалы для стендов. Миша — самый молодой из архитекторов — говорит что хочет чтобы персонаж в его участке стоял на определённой точке откуда открывается конкретный вид.

— Там будет виден изгиб реки, — говорит Миша. — Я хочу чтобы персонаж смотрел именно туда. Как будто он всегда это знал.

Я смотрю на него.

— Хорошая идея, — говорю я. — Это важно — чтобы он

был связан с местом конкретно, не абстрактно.

— Вот именно, — говорит Миша. Доволен что его поняли.

Дима фотографирует — вероятно меня, вероятно Мишу, вероятно макет. Неизвестно.

Встреча идёт ещё час.

Хорошо идёт — я это чувствую. Команда живая, думает, предлагает. Это не те совещания где все молчат и кивают. Здесь спорят — корректно, по делу.

Павел модерировает — не давит, направляет.

Я отмечаю это. Убираю.

После встречи — кофе, неформально, кто остался.

Остаются Дима, Марина, Миша и я. Павел уходит — звонок, говорит извините и исчезает.

Я чувствую как плечи чуть опускаются.

Замечаю это.

Не нравится что замечаю.

— Катерина Андреевна, — говорит Миша. — Можно вопрос не по работе?

— Можно. И просто Катя.

— Катя. — Он немного смущается — он вообще такой, этот Миша, немного смущающийся, что неожиданно для архитектора. — Я читал интервью про вашу книгу. Про лисёнка. Там вы говорили что рисуете зверей потому что они честнее людей.

— Говорила.

— Что имели в виду?

Я смотрю на него.

— Зверь не притворяется, — говорю я. — Лисёнок боится — и видно что боится. Он рад — видно что рад. У людей между тем что внутри и тем что снаружи — слои. Зверям это не нужно.

— Но ваши звери сложные, — говорит Миша. — Они бо-
ятся и всё равно идут. Это же не просто «честные».

— Нет, — соглашаюсь я. — Это честные и при этом сме-
лые. Это лучшая комбинация.

— Вы сами такая?

Я смотрю на него.

— Миша, — говорит Марина. — Это уже личное.

— Ничего, — говорю я. — Честная — стараюсь. Смелая
— не всегда.

— Мне кажется всегда, — говорит Дима. Он стоит у окна,
не фотографирует, просто слушает. — Вы вошли в перего-
ворную во вторник и спросили прямо. Это смелость.

Я смотрю на него.

— Ты много замечаешь.

— Профессия, — говорит он. — Фотограф — это человек
который смотрит. Большую часть времени — просто смотрит.

— Наблюдатель.

— Да.

— Это бывает одиноко.

Дима смотрит на меня. Что-то в его лице — совсем коротко — меняется. Потом возвращается обычная лёгкость.

— Бывает, — говорит он. — Но зато видишь много интересного.

Выхожу из офиса в шестом часу.

Темно уже — ноябрь, темнеет рано.

Стою на крыльце, ищу перчатки в сумке. Нахожу одну. Вторую — не нахожу.

— Ты потеряла в переговорной, — говорит Павел.

Я поднимаю голову.

Он стоит рядом — закончил звонок, вышел. Протягивает перчатку.

Я смотрю на перчатку.

— Спасибо.

Беру.

Мы стоим у входа. Ноябрь, темно, холодно.

— Такси ждёшь? — говорит он.

— Метро.

— Далеко?

— Таганка. Нет.

Он кивает.

Молчание. Нормальное — не напряжённое. Просто двое людей стоят на крыльце после рабочего дня.

— Команда хорошая, — говорю я. Не знаю зачем. Просто

— говорю.

— Да, — говорит он. — Я собирал долго.

— Миша хороший.

— Миша лучший из молодых кого я видел. Думает не про красоту — про людей. Как люди будут в этом пространстве. Это редко.

Я думаю об этом.

— Это важно для архитектора?

— Это главное для архитектора, — говорит он. — Пространство существует ради людей в нём. Не ради себя.

Я смотрю на него.

— Ты всегда так думал?

— Нет, — говорит он. — Раньше думал про форму. Потом — научился думать про людей.

— Когда научился?

Пауза.

— Когда потерял кое-что важное, — говорит он. — Тогда начинаешь думать иначе.

Мы стоим.

Я понимаю что он имеет в виду. Он знает что я понимаю.

— Ладно, — говорю я. — Пойду.

— Да, — говорит он. — Счастливо.

Я иду к метро.

На углу — оборачиваюсь. Не знаю зачем.

Он стоит у входа и смотрит — не на меня, на улицу. Или на меня — в ноябрьской темноте сложно сказать.

Я разворачиваюсь и иду дальше.

Дома — звонит мама.

— Верочка сказала ты начала новый большой проект, — говорит мама.

— Сказала.

— Набережная?

— Да.

— Это хорошо. Большая работа — хорошо. Ты давно не делала такого.

— Мама, я всё время что-то делаю.

— Книги — это маленькое, — говорит мама. Не обидно — просто по масштабу. — Книга это ты и редактор. А набережная — это ты и город.

— И архитектурная команда.

— И архитектурная команда, — соглашается мама. — Как они?

— Хорошие люди.

— Главный архитектор?

Пауза.

Я знаю что мама знает. Вера могла сказать. Могла не говорить — но голос у мамы именно такой когда знает и спрашивает проверяя.

— Профессиональный, — говорю я.

— Катя.

— Мама.

— Я не лезу, — говорит мама. — Просто — как ты?

— Нормально.

— Правда?

Я смотрю в потолок.

— Это правда нормально, мама. Не хорошо, не плохо.

Нормально. Работаю — это главное.

— Главное что ты в порядке, — говорит мама. — Работа это не главное.

— Для тебя — странная позиция.

— Я же не робот, — говорит мама. — Катя. Если нужно — приезжай. Всегда.

— Знаю, мама.

— Мы давно не виделись.

— Приеду на новый год.

— Хорошо. — Пауза. — И Катя.

— Что?

— Не решай ничего сразу.

Я смотрю в потолок.

— Мама. Ты не знаешь всей истории.

— Знаю достаточно, — говорит мама. — Три года тебя нет нигде, Катя. Ты есть — работаешь, рисуешь, дружишь с Верочкой. Но нигде нет. Понимаешь?

Я молчу.

— Понимаю, — говорю я наконец.

— Хорошо. Звони чаще.

— Буду.

Мы прощаемся.

Я сижу с телефоном.

«Три года тебя нет нигде».

Я есть — но нигде.

Работаю, рисую, дружу с Верой. Хожу к ней ужинать, смотрю как Максим варит рыбу по рецепту, слушаю как у них хорошо. Радуюсь за неё — настоящей радостью, без зависти.

Просто — сама нигде.

Три года.

Я встаю. Иду в мастерскую.

Беру карандаш.

Рисую — лисёнка. Стоит у края чего-то. Смотрит вниз. На этот раз — не набережная внизу.

Внизу — что-то светлое. Непонятное. Просто — светлое.

Лисёнок смотрит.

Не прыгает. Просто смотрит.

Я смотрю на рисунок.

— Ещё не знаю, — говорю я ему.

Лисёнок молчит.

Молчит — и стоит. Это его работа.

Стоять и смотреть.

Пока не поймёт.

В воскресенье — я иду на набережную.

Не ту что строится — другую, уже существующую. Про-

сто хожу, смотрю. Это часть работы — чувствовать место. Нельзя рисовать набережную не понимая как она звучит, как пахнет, как люди в ней двигаются.

Ноябрьская набережная — другая чем летняя. Малолюдная, серая, с запахом реки который летом перебивается другим а сейчас — просто река. Сильный, холодный, настоящий.

Я хожу.

Останавливаюсь у парапета. Смотрю на воду.

Река — та же что три года назад. Пять, десять, сто лет назад. Меняется по настроению, остаётся собой.

Это, думаю я, хорошая метафора для персонажа.

Достаю блокнот. Записываю.

— Тоже изучаете место?

Я оборачиваюсь.

Павел.

Стоит в нескольких метрах. Без пальто — в куртке, руки в карманах, смотрит на реку.

— Ты здесь зачем? — говорю я.

— Живу рядом, — говорит он. — Хожу сюда когда думаю.

— Я не знала.

— Ты не спрашивала.

Мы смотрим на воду.

— Это совпадение? — говорю я.

Он смотрит на меня.

— На этот раз — да, — говорит он.

Я думаю.

— Хорошо, — говорю я.

Мы стоим у парапета. Ноябрьская река. Холодно.

— Нашла что искала? — говорит он.

— Что имеешь в виду?

— Про место. Для персонажа.

— Нашла кое-что, — говорю я. — Персонаж должен быть как река. Меняется по настроению — остаётся собой.

Он смотрит на воду.

— Хорошо, — говорит он.

— Это рабочий комментарий?

— Да. И — просто хорошо.

Мы стоим.

Молчим.

Это неожиданно — стоять рядом и молчать и не требовать чтобы молчание заполнилось. Три года назад мы умели так. Потом разучились. Сейчас — вот, снова получается.

Это ничего не значит.

Это просто набережная и ноябрь и мы оба думаем про одну реку.

— Мне пора, — говорю я.

— Да, — говорит он.

— Увидимся в понедельник.

— Да.

Я иду. Не оглядываюсь на этот раз.

Слышу сзади — ничего. Он остался. Стоит и думает.

Я иду по ноябрьской набережной и думаю о том что персонаж — который меняется по настроению и остаётся собой — это хорошо.

Это правда хорошо.

Для набережной.

Вечером пишу Вере:

«Видела его на набережной. Случайно. Говорили про реку».

Она отвечает:

«Про реку?».

«Да. По работе».

«Конечно».

Я смотрю на это «конечно».

«Вера».

«Что?».

«Не надо».

«Я ничего не говорила».

«Вот именно».

Долгая пауза.

Потом Вера пишет:

«Катя. Ты сегодня сама написала. Без повода. Просто — написала что видела его».

Я смотрю на это.

Она права.

Я написала сама. Без повода — зачем мне говорить ей про

случайную встречу на набережной если это просто случайная встреча.

«Мама говорит что меня нет нигде три года», — пишу я.

«Мама права», — пишет Вера.

«Я знаю».

«Нет нигде — это не значит возвращаться к нему. Это значит вообще. Куда-нибудь».

«Я понимаю».

«Хорошо. Приходи в среду ужинать».

«Что будет?»

«Максим экспериментирует с ризотто».

«По рецепту?»

«По трём рецептам. Выбирает лучшее».

Я улыбаюсь.

«Приду».

Ночью — сплю.

Снова хорошо, без снов.

Но перед тем как заснуть — думаю: один персонаж или двое.

Река одна. Но отражений в ней — сколько угодно.

Может быть, думаю я, это и есть ответ.

Не один и не двое.

Просто — река. И всё что в ней отражается.

Я засыпаю с этой мыслью.

Она хорошая.

Рабочая.

Только рабочая.

Глава 4. Декабрь, ризотто и вещи которые говорят случайно

Декабрь приходит вместе с первым настоящим снегом.

Не тем ноябрьским снегом, который ложится на землю с виноватой осторожностью и тает, едва коснувшись асфальта. Настоящим декабрьским. Плотным, уверенным, тяжёлым. Тем, который падает и остаётся.

Москва меняется почти мгновенно.

Город становится одновременно громче и тише. Громче от предновогодней суеты, огней витрин, разговоров и музыки, льющейся из открытых дверей кафе. Тише от снега, который укрывает улицы белым покрывалом и приглушает звуки так, словно кто-то осторожно убавил громкость мира.

Я люблю декабрь.

Любила всегда. Ещё до всего, что случилось потом.

Иногда важно напоминать себе об этом. Есть вещи, которые принадлежат только мне и не зависят ни от обстоятельств, ни от людей, ни от прошлого.

Декабрь мой. Запах свежего снега мой. Ризотто у Веры, кажется, тоже теперь стало моим.

В среду я прихожу к ней около половины седьмого. На кухне уже вовсю идёт эксперимент. Максим стоит у плиты с тем сосредоточенным выражением лица, которое я раньше видела только во время ремонта. Наверное, так же он смот-

рел на стену перед тем, как повесить полки: спокойно, внимательно, без единого лишнего движения.

— Привет, — говорю я, снимая пальто.

— Привет.

Он даже не оборачивается.

— Ещё минут двадцать.

— Как поживают три рецепта?

— Основа из первого. Техника из второго. Пропорции из третьего.

— То есть это уже четвёртый рецепт.

— Да.

Небольшая пауза.

— Свой.

Я смотрю ему в спину.

— Максим.

— М-м?

— Ты только что создал собственный рецепт ризотто.

— Пока не знаю, получилось ли.

— Но создал.

Он наконец поворачивает голову.

— Попробуем и узнаем.

В этот момент из комнаты выходит Вера.

Домашние брюки, свободный свитер, стакан воды в руке и выражение лица человека, у которого всё хорошо. Не идеально. Не сказочно. Просто хорошо.

— Привет.

Она обнимает меня.

— Как ты?

— Нормально.

— Нормально в хорошем смысле или в настораживающем?

— В положительном.

— Уже лучше.

Она внимательно смотрит на меня.

Слишком внимательно.

— Проект?

— Идёт.

— Хорошо идёт?

— Хорошо.

— А он?

Я вздыхаю.

— Работает.

— Катя.

— Вера.

Она улыбается.

— Ладно. Потом. Сначала ризотто.

Оказывается, ризотто действительно удалось. Это признаёт даже Максим после первой ложки.

— Хорошо, — говорит он.

Без уточнений. По шкале Максима это примерно соответствует восторженным овациям. Мы сидим за столом, ужинаем и разговариваем обо всём понемногу.

Вера рассказывает про «Меридиан». Клиент оказался сложнее, чем казалось сначала. Финансовая структура напоминает клубок проводов, который кто-то специально завязал в узлы, а теперь она пытается понять, с какого конца его распутывать. Максим слушает и время от времени задаёт короткие вопросы или бросает точные замечания. Они говорят о работе как о чём-то общем. Не «твоя работа» и «моя работа». Просто задача. Просто проблема. Просто что-то, над чем они думают вместе. Я смотрю на них.

Ещё недавно я наблюдала за ними и уже тогда чувствовала: между ними происходит что-то важное. Оказалось, не ошиблась. Теперь я смотрю и вижу другое. Они дома. Не в смысле квартиры. В смысле друг друга. И от этого становится тепло. И немного больно. Это не зависть, скорее чувство, похожее на голод. Когда знаешь, что такое бывает. Видишь, что бывает. И вдруг понимаешь, что тоже хочешь.

— Катя.

Голос Максима возвращает меня обратно.

— Да?

— Ты задумалась.

— О персонаже для набережной.

— И что надумала?

— Думаю про отражения. Один персонаж проходит через разные эпохи, но в каждой эпохе отражение другое. Время меняет контекст, но не человека.

Максим некоторое время молчит.

— Хорошая идея.

— Мне тоже так кажется.

— Потому что это история не про человека. Это история про место.

Я поднимаю взгляд.

— Именно.

— Место помнит больше людей.

Я улыбаюсь.

— Да.

— Архитектор согласится?

Вопрос заставляет меня задуматься.

— Почему спрашиваешь?

— Потому что такая концепция требует поддержки пространства. Если идея про память, то память должна быть не только в рисунках. Архитектура тоже должна это говорить.

Я несколько секунд молчу. Это именно та мысль, которая крутилась у меня в голове последние дни. Я просто ещё не успела её сформулировать.

— Да, — наконец отвечаю я. — Это нужно обсуждать с ним.

— Значит, будет разговор.

Он говорит это так спокойно, будто речь идёт о прогнозе погоды.

— Рабочий разговор, — уточняю я.

— Конечно.

В этом одном слове скрыто гораздо больше, чем долж-

но. Вера внимательно изучает содержимое своей тарелки. Я смотрю на Максима.

— Ты тоже это слышишь?

— Что именно?

— Интонацию в слове «конечно».

— Это просто слово.

— Разумеется.

— Катя.

— Молчу.

Мы возвращаемся к ризотто.

После ужина мы перебираемся в гостиную. На столике появляются чайник, чашки и тарелка с печеньем, которое никто особенно не собирается есть, но которое почему-то всегда оказывается на столе. Вера устраивается на диване, поджав ноги под себя. Из кабинета доносится негромкий звук закрывающейся двери. Максим ушёл работать. У него что-то срочное. Мы остаёмся вдвоём. Некоторое время молчим. Потом Вера делает глоток чая и смотрит на меня поверх чашки.

— Рассказывай.

— Что именно?

— Всё, что ещё не рассказала.

Я усмехаюсь.

— Очень конкретно.

— Я старалась.

За окном медленно кружится снег. Я некоторое время на-

блюдаю за белыми хлопьями в свете фонаря. Потом всё-таки говорю:

— Он сказал, что научился думать о людях только после того, как потерял что-то важное.

— Думаю, он говорил про вас.

— Скорее всего.

— И?

— Что "и"?

— Что ты почувствовала?

Я пожимаю плечами.

— Ничего.

Вера выразительно поднимает бровь.

— Правда.

— Катя.

— Я слышала. Запомнила. Отложила.

— Отложила?

— Да.

— В папку?

Я медленно поворачиваюсь к ней.

— Что?

Вера улыбается уголком губ.

— В папку.

— Какую ещё папку?

— Ту самую.

— Я не понимаю, о чём ты.

— Конечно.

Она делает ещё один глоток чая.

— Катя, ты уже три недели складываешь всё в одну большую внутреннюю папку и делаешь вид, что её не существует.

— Это называется здоровые границы.

— Нет, — спокойно отвечает Вера. — Это называется: «Я аккуратно архивирую всё, что чувствую, чтобы не пришлось с этим разбираться».

Я смотрю на неё. Невозможно спорить с человеком, который знает тебя двенадцать лет. Особенно когда он прав.

— Это разные вещи.

— Не всегда.

Тишина растягивается между нами. За окном проезжает машина, и свет фар скользит по потолку.

— Я просто наблюдаю, — говорю наконец.

— Угу.

— Это рабочий проект.

— Конечно.

— Мы работаем вместе.

— Безусловно.

— И всё.

— Разумеется.

Я вздыхаю.

— Почему ты такая раздражающе согласная?

— Потому что всё это уже слышала.

— От кого?

— От себя.

Я замолкаю. Вера ставит чашку на стол.

— Я тоже когда-то говорила, что ничего не происходит. Что это рабочие вопросы. Что я просто наблюдаю. Что это ничего не значит.

Она улыбается.

— Иногда это действительно ничего не значит.

— А иногда?

— А иногда просто страшно открыть папку и посмотреть, что внутри.

Несколько секунд я молчу. Потом отвожу взгляд.

— Это другое.

— Почему?

— Потому что он не незнакомец.

Вера становится серьёзнее.

— Катя...

— Нет, правда. Это не история про случайного человека, который мне нравится. Не про новое знакомство. Не про интерес.

Я подбираю слова.

— Это человек, который уже однажды сделал мне больно.

В комнате становится очень тихо.

— Не специально, — добавляю я через секунду. — Я знаю.

— Знаю.

— Но он мог проверить. Мог спросить. Мог разобраться.

Я смотрю в свою чашку.

— И не стал.

Вера долго ничего не говорит. Потом негромко отвечает:

— Да.

Именно поэтому её слова всегда работают. Она никогда не спорит с тем, что было. Не пытается убедить, что боль была незначительной. Не объясняет, почему кто-то поступил правильно. Просто признаёт факт. Да. Это было.

— Открываться незнакомому человеку проще, — продолжаю я. — Если что-то пойдёт не так, ты ничего не потеряешь. Но открываться тому, кто уже однажды закрыл дверь перед тобой...

Я качаю головой.

— Это совсем другое.

— Согласна.

Я поднимаю взгляд.

— Правда?

— Конечно.

— Тогда почему ты всё время подталкиваешь меня к этой папке?

Вера улыбается.

— Я не подталкиваю тебя её открыть.

— Нет?

— Нет.

Она слегка наклоняется вперёд.

— Я просто не хочу, чтобы ты притворялась, будто её нет.

Я долго смотрю на неё. Потом опускаю глаза. На чашку.

На свои руки. На снег за окном. Куда угодно, только не на неё. Потому что она снова права.

— Есть, — говорю наконец.

Слово выходит почти шёпотом. Вера кивает. Будто именно этого ответа и ждала.

— Хорошо.

— Это ничего не меняет.

— Пока не меняет.

— Вера.

— Что?

— Ты иногда разговариваешь как персонаж из книги.

— А ты иногда живёшь как персонаж из книги.

— Это оскорбление?

— Констатация факта.

Я смеюсь. Впервые за весь разговор.

— Ладно.

— Ладно.

Мы некоторое время молчим. Потом я вдруг спрашиваю:

— Максим когда-нибудь говорил тебе что-нибудь полезное на эту тему?

Вера задумывается.

— Один раз.

— И что?

— Сказал, что правильный ответ должен быть моим, а не его.

Я хмыкаю.

— Это действительно умно.

— Да.

— Неожиданно.

— Иногда он меня удивляет.

Мы снова смеёмся. Напряжение понемногу рассеивается.

Как пар над чашками. Потом я вспоминаю кое-что ещё.

— Кстати, Дима.

— Фотограф?

— Да.

— Что с ним?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Интересный человек.

— Это комплимент?

— Скорее наблюдение.

Вера улыбается.

— Продолжай.

— Он говорит всё, что думает.

— Опасная привычка.

— Зато честная.

Я невольно улыбаюсь, вспоминая его.

— Представляешь, фотографирует кофейные стаканчики для документации проекта.

— Искусство требует жертв.

— В основном бумажных стаканчиков.

— И что тебе в нём нравится?

Я задумываюсь.

Ответ приходит почти сразу.

— Он не притворяется.

Вера кивает.

Будто именно это и ожидала услышать.

— Хорошее качество.

— Да.

Некоторое время я кручу чашку в руках. Потом говорю:

— Он сказал одну вещь.

— Какую?

— Что быть наблюдателем иногда очень одиноко.

Вера задумчиво смотрит на меня.

— Это честно.

— Очень.

Я смотрю на отражение лампы в чае.

— И почему-то мне это запомнилось.

— Потому что ты понимаешь, о чём он.

Я медленно киваю. Три года. Три года я жила именно так.

Смотрела на людей со стороны. Видела. Понимала. Но почти не участвовала.

— Да, — тихо говорю я. — Понимаю.

— А теперь?

Вопрос повисает между нами. Я думаю. Недолго.

— Теперь я участвую.

— В чём?

— Хотя бы в набережной.

Вера улыбается. Тёпло. По-настоящему.

— Хорошее начало.

Домой я возвращаюсь поздно. В вагоне метро почти пусто. Несколько человек сидят на расстоянии друг от друга, каждый погружён в собственные мысли. За окнами мелькает темнота тоннеля, и поезд размеренно покачивается на рельсах.

Я думаю о папке. Она существует. Теперь уже бессмысленно делать вид, будто нет. Я знаю это. Вера знает это. Наверное, если быть честной до конца, содержимое папки мне тоже известно. Там лежат мелочи. Те самые мелочи, которые почему-то оказываются тяжелее больших событий. То, что он сказал на набережной. То, как он работает с командой. То, что молчать рядом с ним оказалось неожиданно легко. То, что он приносит про потерянную перчатку. Ничего особенного. Ничего такого, что можно было бы предъявить как доказательство. Но именно из таких вещей обычно и складывается всё остальное.

Я аккуратно убираю их в папку. Одну за другой. Потому что достать их оттуда означает начать другой разговор. Не с ним, с собой. А это гораздо сложнее. Достать папку значит разрешить себе задать вопрос: возможно ли что-то? Разрешить себе подумать об этом. Разрешить себе надеяться. А надежда всегда требует открытой двери. И открытого сердца. А если дверь открыта, её можно захлопнуть. Если сердце открыто, его можно ранить. Я слишком хорошо знаю эту цепочку. Слишком хорошо. Поэтому пока просто смотрю на

неё издалека. Как на мост, который вижу, но ещё не готова перейти. Может быть, однажды перейду. Может быть, никогда. А может быть, стою у самого начала уже давно и просто убеждаю себя, что всё ещё нахожусь на берегу.

Поезд начинает тормозить. Моя станция. Я поднимаюсь и выхожу на платформу. Снег продолжает идти.

Дома я рисую. Работа всегда помогает привести мысли в порядок. На стол ложится чистый лист. Потом второй. Потом третий. Я снова возвращаюсь к персонажу для набережной. Он стоит у воды. Смотрит на реку. На отражение.

В первом варианте в отражении появляется другой человек. Не он сам. Кто-то рядом. Чьё-то присутствие. Чья-то история, вплетающаяся в его собственную. Я некоторое время смотрю на рисунок. Потом беру новый лист. Начинаю заново.

Тот же персонаж. Та же вода. Та же поза. Но теперь в отражении только он. Один. Как был всегда. Я раскладываю оба рисунка рядом. Долго рассматриваю. Оба нравятся. Оба кажутся правильными. И оба говорят правду. Просто разную. Я улыбаюсь уголком губ.

— Отлично, — говорю пустой мастерской. — Очень помогла.

Листы продолжают молчать. Я складываю их рядом. Завтра покажу Марине. Пусть выбирает команда. Не я. По крайней мере пока.

Утром меня будит звук уведомления. Я тянусь к телефону ещё до того, как окончательно просыпаюсь. Сообщение от Димы. Неожиданно. Хотя если подумать, номер он вполне мог получить у Марины. Контакты команды давно есть у всех. Я открываю чат.

«Катя, привет. Хотел уточнить. Можно будет сфотографировать ваш рабочий процесс? Мастерскую, скетчи, то, как вы работаете. Для архива проекта».

Несколько секунд смотрю на экран. Потом печатаю:

«Зачем архиву мастерская?»

Ответ приходит почти сразу.

«Потому что проект состоит не только из результата».

Я читаю дальше.

«Архив нужен не только для того, чтобы показать, что получилось. Но и для того, чтобы сохранить, как это создавалось. Как думают архитекторы. Как думает иллюстратор. Это тоже часть истории места».

Я невольно улыбаюсь.

«Убедительно».

Через несколько секунд появляется новое сообщение.

«Я стараюсь».

Да. В это я верю без труда.

«Когда тебе удобно приехать?»

«Подстроюсь под ваш график».

Я думаю пару секунд. Потом отвечаю:

«Суббота. Утром».

«Во сколько?»

«В девять».

«Отлично. Буду».

На этом разговор заканчивается. Я откладываю телефон на стол и несколько секунд смотрю в окно. Мастерская. Странно. Только сейчас я понимаю, насколько это личное пространство. Сюда редко кто приходит. Вера. Иногда мама, когда бывает в Москве. Ещё реже кто-то другой. В мастерской остаются не только рисунки. Здесь остаются сомнения. Неудачные наброски. Мысли, которые ещё не успели стать чем-то законченным. Это место, где я не показываю результат. Здесь я показываю процесс. А процесс всегда намного уязвимее.

Я думаю о Диме. О его лёгкой манере разговаривать. О внимательности, которую он тщательно маскирует шутками. О том, что за внешней простотой в нём явно больше, чем кажется сначала. Интересный человек. Новый человек. И я только что пригласила его в пространство, куда почти никого не впускаю. Я прислоняюсь к спинке стула. Потом неожиданно улыбаюсь. Нет. Это не открывать папку. Совсем нет. Это просто впускать в свою жизнь новых людей. Просто позволять чему-то происходить. Просто участвовать. Я ведь сама сказала Вере. Теперь я участвую. В пятницу у нас встреча с Павлом. Без команды. Без Марины. Только мы вдвоём и вопрос, который давно требовал отдельного разгово-

ра. Центральный павильон. Двести квадратных метров пространства, где должна собраться воедино вся история набережной.

Мы занимаем небольшую переговорную. За окном медленно идёт снег. На столе ноутбуки, чертежи, блокноты и два моих скетча. Я раскладываю их перед Павлом. Он сразу понимает, о чём речь.

— Два варианта, — говорю я. — Для финальной части. Он кивает. Я показываю первый рисунок.

— Здесь персонаж остаётся один. Через все эпохи проходит одна и та же фигура. История про одиночество. Про память. Про человека и время.

Потом второй.

— Здесь в финале появляется кто-то ещё. Только в отражении. Не напрямую. Но появляется.

Павел молча рассматривает оба листа. Очень долго. Так долго, что я успеваю несколько раз пожалеть, что вообще принесла оба варианта. Наконец он поднимает взгляд.

— А сама что думаешь?

— Думаю, выбирать должен ты.

— Почему?

— Потому что пространство проектируешь ты.

Он слегка качает головой.

— Иллюстрации делаешь ты.

— Иллюстрации существуют внутри пространства.

— Нет.

Я поднимаю глаза. Павел смотрит спокойно и серьёзно.

— В этом проекте всё наоборот.

Несколько секунд он подбирает слова.

— Я строю пространство вокруг того, что создаёшь ты.

Я невольно замираю.

— Ты раньше этого не говорил.

На его лице появляется едва заметная улыбка.

— Раньше не было подходящего момента.

И снова взгляд возвращается к рисункам. Некоторое время мы молчим. Снег за окном становится гуще. По стеклу ползут размытые отражения фар.

— Они оба хорошие, — говорит Павел.

— Знаю.

— Поэтому выбрать сложно?

— Именно.

Он кивает.

— Мне тоже.

Я усмехаюсь.

— Отлично. Значит, мы зашли в тупик вдвоём.

— Возможно.

На самом деле это не похоже на тупик. Скорее на развилку. Оба пути выглядят правильными. Именно поэтому невозможно решить. Павел проводит пальцем по краю второго листа.

— Можно вопрос?

— Конечно.

— Не рабочий.

Я удивлённо поднимаю взгляд.

— Тогда какой?

Он на секунду задумывается.

— Хотя нет. Рабочий.

Я невольно улыбаюсь.

— Ты сейчас очень похож на архитектора.

— Профессиональная деформация.

— Спрашивай.

Он смотрит на рисунки.

— Как ты понимаешь, что правильно для места?

Я задумываюсь. Не потому что вопрос сложный. Потому что ответ приходит не сразу словами. Сначала ощущением.

— Не знаю.

— Не верю.

— Правда.

Я опускаю взгляд на скетчи.

— Скорее чувствую.

— И что чувствуешь сейчас?

Я долго рассматриваю оба рисунка.

Потом начинаю говорить медленно, собирая мысль по частям.

— Набережная — это река.

Павел молчит. Слушает.

— А река всегда про движение.

— Согласен.

— Не просто про движение само по себе.

Я качаю головой.

— Про движение куда-то. К чему-то. Вперёд.

Я смотрю на первый рисунок. Потом на второй.

— Поэтому одиночество здесь честно. Очень честно. Но...

— Но?

— Но встреча честнее.

В комнате становится тихо. Так тихо, что слышно, как работает вентиляция.

— Почему? — спрашивает Павел.

Я улыбаюсь. Сама не ожидая от себя этого ответа.

— Потому что река никогда не течёт просто так.

Он ждёт продолжения.

— У любой реки есть направление. Море. Другая река. Озеро. Неважно что. Важно, что всегда есть «к». Не просто движение. Стремление. Связь.

Я поднимаю взгляд. Павел смотрит на меня так внимательно, словно пытается запомнить каждое слово. Потом кивает. Очень медленно.

— Значит, второй вариант.

Это звучит не как вопрос. Как вывод. Я снова смотрю на рисунок. На человека у воды. На второе отражение. На присутствие кого-то ещё. На возможность.

— Да.

Слово выходит тихо. Но уверенно.

— Второй.

Павел делает пометку в блокноте. Короткую. Несколько слов. Потом закрывает страницу.

— Хорошо.

И на этом всё. Будто решение было очевидным с самого начала. Мы переходим к рабочим вопросам. Размеры. Материалы. Подсветка. Навигация. Угол обзора. Высота панелей. И два следующих часа пролетают незаметно. Работать с Павлом удивительно легко.

Когда я говорю: «Здесь должно быть ощущение воздуха», он понимает, что речь не о вентиляции. Когда он говорит: «Эта линия будет давить на посетителя», я понимаю, что речь не о геометрии. Мы переводим идеи друг друга без словаря. Словно давно работаем вместе. Словно привыкли. Именно это обстоятельство я стараюсь не анализировать слишком внимательно. Потому что знаю, куда может привести такой анализ.

Встреча заканчивается спустя два часа. Я собираю рисунки и закрываю папку. Павел убирает блокнот в сумку. Потом вдруг говорит:

— Катя.

— Да?

Я поднимаю голову. Он смотрит на меня спокойно.

— Спасибо.

— За что?

— За второй вариант.

Я невольно улыбаюсь.

— Это всего лишь концепция.

Что-то мелькает в его взгляде. Тёплое. Почти незаметное.

— Да, — отвечает он. — Всего лишь концепция.

На секунду мне кажется, что мы оба понимаем: речь не только о рисунке. Но никто ничего не добавляет. И это правильно. Я первой отвожу взгляд. Беру папку. Надеваю пальто. И выхожу.

На улице уже темнеет. Москва постепенно превращается в предновогоднюю открытку. Снег кружится в свете фонарей. Витрины сияют золотистыми огнями. Люди торопятся домой с пакетами, коробками и еловыми ветками. Я иду к метро. Медленно. Не потому что спешить некуда. Потому что думаю. О папке. Она стала тяжелее. Заметно тяжелее.

«Я строю пространство вокруг того, что создаёшь ты». «Спасибо за второй вариант». Два часа работы, во время которых мы понимали друг друга почти без объяснений.

Я останавливаюсь на светофоре. Красный. Снежинки оседают на рукавах пальто. Я смотрю на поток машин. Потом тихо говорю самой себе:

— Ладно.

Пар от дыхания растворяется в воздухе.

— Ладно.

Никто не слышит. Кроме меня. Папка существует. Она становится толще. Я всё ещё не собираюсь её открывать. Но больше не собираюсь делать вид, что её нет. Это уже что-

то. Загораются зелёный. Я перехожу дорогу. Снег продолжает падать. А город течёт вокруг меня, как река. Куда-то вперёд. К чему-то.

Глава 5. Суббота, мастерская и человек который смотрит правильно

Дима приходит ровно в девять. Почему-то это удивляет меня сильнее, чем должно. Наверное, потому что почти все знакомые мне фотографии существовали в каком-то собственном часовом поясе. Они любили говорить, что живут моментом, и обычно это означало, что на часы они смотрят исключительно из любопытства. Дима, судя по всему, относился к редкому подвиду.

— Девять ноль-ноль, — сообщает он с порога, постучав костяшками по косяку. — Как договаривались.

— Вижу.

— Значит, репутация не пострадала.

— Пока нет.

Уголок его рта чуть дёргается.

— Можно войти?

— Конечно.

Он переступает порог и останавливается. Не из вежливости. Осматривается. Внимательно. Я замечаю это почти сразу. Большинство людей входят в новое помещение как зрители. Их взгляд цепляется за отдельные предметы: окно, стол, картину на стене. Дима смотрит иначе. Сначала охватывает пространство целиком. Потом разбирает его на детали. Как

будто кадр уже существует у него в голове, а теперь он ищет правильную точку съёмки.

Мастерская небольшая. Вытянутая, узкая. С большим северным окном почти во всю стену. Рабочий стол стоит прямо под ним. Вдоль стен тянутся полки с бумагой, красками, коробками карандашей и блокнотами, которые я обещаю себе когда-нибудь разобрать. На стенах приколоты рабочие скетчи. Лисёнок для старого проекта. Несколько вариантов персонажа для набережной. Пара личных рисунков, сделанных без цели и заказа. Просто потому что иногда руки сами тянутся к карандашу.

— Хорошее место, — говорит Дима.

Не «красивое». Не «уютное». Именно хорошее. Я почему-то отмечаю это.

— Спасибо.

— Северный свет.

— Да.

— Художники его любят.

— Потому что он не врёт.

Дима переводит взгляд к окну.

— Хорошая формулировка.

— Мне её когда-то сказали.

— И ты украла.

— Художники постоянно крадут хорошие формулировки.

— Фотографы тоже.

Несколько секунд он продолжает рассматривать окно. По-

том спрашивает:

— Не скучно?

— Что именно?

— Такой свет.

Я невольно улыбаюсь.

— Вот это уже моя мысль.

Он вопросительно смотрит на меня.

— Для работы северный свет идеален. Ровный. Спокойный. Почти не меняется.

— А для жизни?

— Для жизни хочется другого.

Я подбираю слова.

— Восточный свет просыпается вместе с тобой. Западный меняется весь день. В них есть движение.

Дима молча слушает.

— А северный?

— Северный существует сам по себе.

— Интересно.

— Подруга-художница однажды сказала, что северный свет помогает работать, а восточный помогает жить.

— Умная подруга.

— Очень.

Он кивает так, словно принимает это к сведению. Потом ставит сумку на пол и достаёт камеру. Настоящую. Тяжёлую. С потёртым ремнём и следами постоянной работы. Не аксессуар. Инструмент. Дима проверяет настройки, смотрит на

экран, поднимает камеру к глазам. Щёлк. Первый кадр.

— Работайте как обычно, — говорит он. — На меня внимания не обращайтесь.

— Это невозможно.

— Первые минут двадцать.

— А потом?

— Потом мозг решит, что я предмет интерьера.

— Самоуверенно.

— Проверено экспериментально.

— На людях?

— На архитекторах.

— Это хуже.

— Значительно.

Он улыбается. И начинает работать.

Через двадцать минут оказывается, что он был прав. Не полностью. Но достаточно. Я действительно перестаю замечать камеру каждую секунду. Работа постепенно затягивает. Передо мной новый скетч для участка Миши. Изгиб реки. Низкий берег. Персонаж, остановившийся у воды.

Я набрасываю композицию карандашом. Потом беру кисть. Первый слой акварели всегда самый нервный. Одна ошибка, и бумага запомнит её навсегда. За окном медленно идёт снег. Белые хлопья проносятся мимо стекла и растворяются в зимнем свете. Иногда слышится щелчок камеры. Иногда нет. Иногда я замечаю Диму боковым зрением. Он может

стоять у стены. Может сидеть на полу. Может рассматривать полку с красками так сосредоточенно, словно там спрятана разгадка мировой истории.

Что удивительно, его присутствие совершенно не утомляет. Некоторые люди занимают слишком много пространства, даже когда молчат. Некоторые заставляют помнить о себе каждую секунду. Дима к таким не относится. Он присутствует ровно настолько, насколько нужно. Не больше.

— Можно вопрос?

Я не поднимаю головы.

— Можно.

— Вы всегда начинаете с карандаша?

— Почти всегда.

— Почему?

— Потому что сначала нужно понять, что рисуешь.

— А потом?

— Потом уже чувствовать.

Он некоторое время молчит.

— То есть сначала структура.

— Да.

— Потом цвет.

— Да.

— Почему именно так?

Я откладываю кисть. Задумываюсь.

— Потому что цвет — это эмоция.

— А карандаш?

— Каркас.

— Звучит скучно.

— Каркас всегда звучит скучно.

Я снова беру кисть.

— Но без него дом развалится.

Дима тихо смеётся.

— Красиво сказано.

— Это не красивость. Это правда.

Он делает ещё один кадр. Щёлк.

— А если структура мешает эмоциям?

Теперь я всё-таки смотрю на него.

— Ты про рисование?

— Пока не решил.

Я качаю головой.

— Тогда ответ тот же.

Он ждёт продолжения.

— Если структура мешает, её можно разрушить.

— Но?

— Сначала она должна появиться.

Некоторое время Дима смотрит на меня. Не как фотограф. Как человек.

— Это про рисунки?

— Нет.

— Я так и думал.

— Дима.

— Что?

— Ты очень подозрительно задаёшь вопросы.

— Я фотограф.

— Это не оправдание.

— Объяснение.

Я закатываю глаза.

— Ещё хуже.

Он смеётся. И снова поднимает камеру. Щёлк. К одиннадцати я всё-таки отвлекаюсь от работы. Не потому что устала. Потому что начинаю ловить себя на том, что уже минут десять думаю об одном и том же участке акварели, не делая ни одного мазка. Это верный признак того, что пора сделать перерыв.

— Кофе? — спрашиваю я.

Дима опускает камеру.

— Это приглашение или проверка характера?

— Пока приглашение.

— Тогда с удовольствием.

Через несколько минут мы сидим у окна. Я на своём рабочем стуле. Дима устроился на широком подоконнике так естественно, словно всегда там сидел. За стеклом медленно кружится снег. Город за окном кажется немного размытым, будто кто-то приглушил резкость мира. Несколько минут мы просто пьём кофе. Не потому что нечего сказать. Просто молчание не требует немедленно его заполнять. Это редкое качество.

— Как ты вообще оказался в фотографии? — спрашиваю

я.

Дима крутит чашку в ладонях.

— По недоразумению.

— Подозреваю, сейчас будет хорошая история.

— Я тоже надеюсь.

Он улыбается. Потом смотрит в окно.

— Вообще-то я учился на архитектора.

Я моргаю.

— Что?

— Реакция нормальная.

— Нет, серьёзно?

— Абсолютно.

— Сколько?

— Три курса.

Я смотрю на него внимательнее. Внезапно некоторые вещи становятся понятнее. То, как он говорит о пространстве. То, как двигается по помещению. То, как замечает детали.

— И что случилось?

— Однажды понял, что люблю здания не так, как должны любить архитекторы.

— В каком смысле?

— Мне было интереснее наблюдать за людьми внутри них, чем проектировать сами здания.

Я улыбаюсь.

— Очень фотографический диагноз.

— Согласен.

Он делает глоток кофе.

— Архитекторы создают пространство. А мне всегда хотелось смотреть, что пространство делает с людьми.

Несколько секунд я обдумываю эту фразу. Она мне нравится.

— И ты просто ушёл?

— Не совсем.

— Скандал?

— Почти.

Он усмехается.

— Отец неделю разговаривал со мной исключительно вздохами.

— Тяжёлый случай.

— Очень.

— А мама?

— Мама сказала: «Наконец-то».

— Почему?

— Потому что считала меня странным с детства.

— И ошибалась?

— Нет.

— Честно.

— Я вообще сегодня стараюсь держаться правды.

Я смеюсь. Дима тоже. На секунду становится удивительно легко. Как будто мы знакомы чуть дольше, чем несколько недель.

— Теперь понятно, почему ты так быстро разобрался в проекте.

— В каком смысле?

— Ты смотришь не только на картинки.

— Это профессиональная деформация.

— И поэтому Павел тебя взял.

— Отчасти.

Он пожимает плечами.

— Ему нужен был человек, который понимает, как архитекторы думают.

— Получается, понимаешь?

— Иногда.

Пауза.

— Он хороший архитектор.

Я невольно закатываю глаза.

— Ты уже говорил.

— Потому что это правда.

— Или потому что пытаешься что-то донести.

Дима поднимает взгляд. В этот раз он не улыбается. Просто внимательно смотрит на меня поверх чашки. Слишком внимательно. Я сразу понимаю, о ком именно сейчас идёт речь. Не о проекте. Не об архитектуре. О Павле.

— Катя.

— Что?

— Я не собираюсь никого сватать.

— Очень обнадёживающее начало.

— Я серьёзно.

— Верю.

Он несколько секунд молчит. Будто решает, стоит ли продолжать. Потом всё-таки продолжает.

— Просто иногда со стороны видно вещи, которые трудно заметить изнутри.

Я отвожу взгляд к окну. Снег стал гуще. Мир за стеклом почти растворился в белизне.

— Например?

— Например, что люди меняются.

Вот теперь становится совсем тихо. Даже слишком. Я медленно ставлю чашку на стол.

— Это ты сейчас о ком?

— Ты прекрасно понимаешь.

— Дима.

— Что?

— Осторожнее.

Он кивает. Сразу. Без спора.

— Хорошо.

Несколько секунд проходят в молчании. Потом он всё-таки говорит:

— Я видел много разных людей.

— Очень расплывчато.

— Работа такая.

— Справедливо.

Он чуть улыбается. Но глаза остаются серьёзными.

— Некоторые причиняют боль другим людям и живут дальше так, будто ничего не произошло.

Я молчу.

— А некоторые носят это с собой годами.

За окном проезжает автобус. На стекле на мгновение вспыхивает отражённый свет.

— И?

— И это заметно.

Я смотрю на него.

— Ты считаешь, что он из второй категории.

— Считаю.

— Почему?

Дима ненадолго задумывается. Не подбирает красивые слова. Именно думает.

— Потому что люди, которым всё равно, не становятся тише.

Я хмурюсь.

— Что?

— Они не начинают слушать больше, чем говорят. Не смотрят на последствия своих решений. Не задаются вопросом, кому было больно.

Он слегка пожимает плечами.

— А Павел задаётся.

Я чувствую, как внутри поднимается знакомое сопротивление. Почти автоматическое. Будто кто-то коснулся старого шрама.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю.

Он честно качает головой.

— Я могу ошибаться. Это просто впечатление.

Он делает короткую паузу.

— Но за последний месяц я видел его чаще, чем хотел бы.

— Тяжёлая судьба.

— Ужасная.

Наконец он улыбается. И напряжение немного отпускает.

— Марина знает, что ты ведёшь такие разговоры?

— Нет.

— Почему меня это не удивляет?

— Потому что Марина бы меня убила.

— Абсолютно заслуженно.

— Согласен.

Мы оба смеёмся. Но где-то под этим разговором продолжает жить другое. Невысказанное. То, о чём никто не говорит прямо. И именно поэтому оно звучит громче всего. К полудню Дима начинает собираться. Не сразу. Сначала делает ещё несколько кадров. Фотографирует стол. Кисти в банке. Стопку испорченных листов возле мусорной корзины. Потом долго рассматривает один из скетчей для набережной. Тот самый, над которым я работала утром.

Персонаж стоит у реки. Ветер трогает одежду. Вода уходит куда-то за край рисунка.

— Этот мне нравится больше остальных, — говорит Ди-

ма.

Я подхожу ближе.

— Почему?

Он не отвечает сразу. Сначала смотрит на рисунок ещё несколько секунд.

— Потому что он знает, куда смотрит.

— Странное объяснение.

— Возможно.

Он указывает подбородком на лист.

— Видишь?

Я смотрю.

— Нет.

— Он не смотрит назад.

Я невольно улыбаюсь.

— Очень глубокий анализ композиции.

— Подожди.

Дима наклоняет голову.

— И не смотрит на себя.

— Это уже звучит как гороскоп.

— А смотрит вперёд.

Я снова перевожу взгляд на рисунок. Теперь замечаю. Он прав. Персонаж действительно смотрит вперёд. Не в сторону зрителя. Не на своё отражение. Не назад. Туда, где рисунок заканчивается. Туда, чего ещё не видно. И самое неприятное заключается в том, что я не закладывала этого специально. Оно получилось само.

— Интересно, — тихо говорю я.

— Угу.

Дима улыбается уголком губ. Как человек, который заметил что-то раньше меня, но не собирается этим хвастаться. Он убирает объектив в сумку. Проверяет застёжки. Поднимает взгляд.

— Буду присылать фотографии постепенно.

— Хорошо.

— Если что-то не понравится, просто скажи.

— Настолько уверен в результате?

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что это твоя мастерская.

Я невольно смотрю по сторонам. На стол. На рисунки. На полки. На кружку, которую до сих пор не убрала после кофе. Странно. До этого момента я даже не думала о мастерской как о чём-то особенном. Она просто была частью жизни. Как кухня. Или спальня. Но сейчас вдруг понимаю: чужих людей здесь почти не бывает. Вера. Иногда мама. Редко кто-то ещё. Слишком много вещей вокруг знают обо мне больше, чем хотелось бы.

— Ты понимаешь это? — спрашиваю я.

Дима застёгивает сумку.

— Конечно.

— Откуда?

Он некоторое время молчит. Потом отвечает:

— У меня тоже есть такое место.

— Мастерская?

— Нет.

— Тогда что?

— Просто место.

Он пожимает плечами.

— Куда я никого не приглашаю.

Я улыбаюсь.

— А сюда пришёл.

— Ты пригласила.

— И не пожалел?

— Пока нет.

— Какая осторожная формулировка.

— Я фотограф. Мы суеверные.

— Не знала.

— Теперь знаешь.

Он берётся за дверную ручку. Потом оборачивается.

— Спасибо, Катя.

Без улыбки. Без привычной иронии. Совсем просто. И именно поэтому получается искренне.

— Не за что.

— Есть за что.

На секунду мне кажется, что он хочет добавить что-то ещё. Но не добавляет. Просто кивает и выходит. Дверь закрывается. В мастерской становится тихо. Очень тихо.

Я возвращаюсь к столу. Несколько минут просто стою возле окна. За стеклом идёт снег. Северный свет по-прежнему ровный и спокойный. Словно время здесь течёт медленнее, чем в остальном городе. На столе лежит рисунок. Тот самый. Персонаж смотрит вперёд. Не назад. Не на себя. Вперёд.

Я невольно вспоминаю разговор за кофе. Потом другую фразу. Люди меняются. Дима сказал это спокойно. Без попытки убедить. Просто как наблюдение. Наверное, поэтому оно и застряло в голове. Потому что наблюдения сложнее оспаривать, чем чужие советы. Я опускаюсь на стул. Провожу пальцами по краю листа. И впервые за долгое время думаю не о том, что Павел сделал. А о том, почему.

Разница оказывается неожиданно большой. Раньше всё выглядело просто. Была ложь. Была ошибка. Было предательство. Конец истории. Но если начать спрашивать «почему», история перестаёт быть плоской. Становится объёмной. А объём всегда неудобен. Потому что в нём приходится видеть человека целиком. Не только поступок.

Я морщусь. Мне не нравится эта мысль. Совсем. Но выгнать её уже не получается.

В понедельник команда собирается в переговорной. За окном всё тот же декабрь. Сумерки теперь приходят так рано, что кажется, будто день забывает начаться. На столе чертежи. Ноутбуки. Стаканчики с кофе. Марина привычно пытается одновременно модерировать обсуждение и отвечать

на сообщения. Получается у неё пугающе хорошо. Сегодня разбираем участок Леры. Промышленную часть набережной. Старые склады. Фабрики. Краны. Металл. Историю людей, которые работали здесь задолго до того, как район стал красивым словом в презентации инвесторов.

Лера говорит медленно. Она вообще никогда не спешит. Каждая её мысль выглядит так, будто сначала прошла внутреннюю экспертизу.

— Я не хочу романтизировать это место, — говорит она. Все поднимают головы.

— В каком смысле?

— В прямом.

Она кладёт ладонь на план участка.

— Там было тяжело. Грязно. Шумно. Люди работали на износ. Я не хочу превращать это в открытку.

Марина кивает первой. Потом я.

— Согласна.

Лера смотрит на меня.

— Твой персонаж через этот участок проходит?

— Конечно.

— Тогда он должен это чувствовать. Не наблюдать со стороны, не любоваться, а чувствовать.

Я думаю несколько секунд.

— Он будет не наблюдателем.

— Хорошо.

— Он будет нести это вместе с местом.

Лера заметно расслабляется.

— Тогда работает.

Именно в этот момент раздаётся голос Павла. Негромкий. Но почему-то его слышат все.

— Да.

Он смотрит на план. Потом на Леру.

— Именно так.

Всего два слова. Ничего особенного. Но мне вдруг вспоминается разговор с Димой. Люди меняются. Странно. Раньше я никогда не замечала, насколько внимательно Павел слушает других. Или, может быть, он действительно слушал иначе.

Я отвожу взгляд к чертежам. Слишком поздно понимая, что начала замечать подобные вещи всё чаще. После встречи я выхожу одной из последних. В переговорной ещё остаются голоса. Марина что-то обсуждает с Лерой. Кто-то собирает ноутбук. Кто-то ищет зарядку. Обычная офисная суeta после окончания разговора. Я уже почти дохожу до лифта, когда слышу за спиной:

— Катя.

Сердце почему-то сбивается с ритма раньше, чем я успеваю обернуться. Павел. Конечно. Я останавливаюсь. Медленно поворачиваюсь к нему.

— Рабочий вопрос?

Это уже почти ритуал. На мгновение в его глазах появляется что-то похожее на улыбку. Почти.

— Да.

Потом он делает небольшую паузу.

— Правда рабочий.

— Тогда слушаю.

Несколько секунд он словно подбирает формулировку. Раньше такого не было. Раньше Павел говорил сразу. Теперь всё чаще думает прежде, чем открыть рот.

— Лера права насчёт промышленного участка, — говорит он наконец. — Не нужно делать его красивым.

— Я поняла.

— Я знаю.

Он проводит рукой по затылку. Жест короткий, почти нервный. Я раньше никогда не видела его нервничающим.

— Просто хотел сказать это отдельно.

— Почему?

Павел смотрит на меня несколько секунд. Будто сам не уверен, как ответить.

— Потому что этот участок важный.

— Для проекта?

— Для истории.

Я понимаю, что речь уже не совсем о набережной. И кажется, он тоже это понимает. Между нами повисает тишина. Не неловкая. Скорее осторожная.словно оба стоим на тонком льду и проверяем, выдержит ли. Павел ничего не отвечает. Только смотрит на меня. И почему-то именно это молчание заставляет меня продолжить.

— Раньше ты так не делал.

Его взгляд становится серьезнее.

— Наверное.

— Не наверное.

Я встречаюсь с ним глазами.

— Не делал.

Долгая пауза. За поворотом коридора кто-то смеётся. Проезжает тележка уборщицы. Мир продолжает жить своей жизнью. Только здесь время будто замедлилось.

— Раньше много чего не делал, — тихо говорит Павел.

Я опускаю взгляд.

— Знаю.

— Это не оправдание.

— Знаю.

Снова тишина. Мне кажется, разговор закончился. Но потом он неожиданно произносит:

— Когда я узнал правду, первой мыслью было найти тебя.

Я поднимаю голову. Он не отводит взгляд.

— И что сказать?

— Что я знаю, что ты не виновата.

Воздух будто становится плотнее.

— Это ничего бы не изменило.

— Да.

Он кивает. Сразу. Без спора.

— Я тоже это понял.

— Тогда зачем?

На его лице появляется выражение человека, который наконец дошёл до вопроса, от которого долго уходил.

— Потому что молчать было хуже.

Мне хочется ответить сразу. Но слова почему-то не находятся. Поэтому я просто жду.

И он продолжает.

— Ты три года жила с этим.

— Павел...

— Нет.

Он качает головой. Не резко. Просто не позволяя мне остановить его.

— Я знаю, что это ничего не исправит. Знаю. Но ты три года жила с мыслью, что тебя считают человеком, которым ты не была.

Его голос остаётся спокойным. Но впервые за всё время знакомства я слышу в нём усталость. Настоящую. Глубокую.

— Я не мог оставить это как есть.

От этих слов почему-то становится тяжелее. Не легче. Тяжелее. Потому что в них нет попытки оправдаться. Нет просьбы о прощении. Нет просьбы понять. Только факт. Я отворачиваюсь. Смотрю на окно в конце коридора. На серое декабрьское небо. На снег, который медленно падает за стеклом. И вдруг слышу собственный голос:

— Почему ты поверил ей?

Вопрос вырывается раньше, чем я успеваю его остановить. Три года. Три года я не задавала его вслух. Павел за-

мирает. Совсем. Словно ожидал любого вопроса. Только не этого. Несколько секунд проходят в полном молчании. Я уже думаю, что ответа не будет. Но потом он говорит:

— Потому что ждал.

Я хмурюсь.

— Чего?

Он смотрит мимо меня. Куда-то в сторону окна. Куда-то очень далеко. И впервые за всё время выглядит не архитектором. Не взрослым мужчиной. Не человеком, который привык всё контролировать. Просто человеком.

— Что ты уйдёшь.

У меня внутри что-то сжимается. Небольшо. Но резко. Павел усмехается. Криво. Без радости.

— Звучит глупо, да?

Я ничего не отвечаю. Потому что это не звучит глупо. Звучит слишком по-настоящему. Он проводит ладонью по лицу. Будто устал. Будто давно носит этот разговор внутри.

— Я всегда этого ждал.

Я молчу.

— С детства.

Теперь его голос становится тише. Не слабее. Тише.

— Когда мне было десять, мать уехала. Просто уехала. Без скандала. Без объяснений. Нашла другую жизнь. И выбрала её.

Я смотрю на него. Не перебивая. Не потому что нечего сказать. Потому что любое слово сейчас покажется лишним.

— После этого я почему-то решил, что люди всегда уходят.

Он усмехается. На этот раз совсем горько.

— Особенно если они важны.

Коридор кажется непривычно тихим. Даже свет ламп становится каким-то холодным.

— Поэтому когда появилась эта история...

Он не произносит имя Светланы. И я благодарна ему за это.

— Какая-то часть меня сразу поверила. Потому что это объясняло всё. Потому что было похоже на то, чего я ждал.

Я закрываю глаза на секунду. Только на секунду. Потом снова смотрю на него.

— Ты поверил не ей.

Он поднимает взгляд.

— Скорее своему страху.

Павел долго молчит. Потом едва заметно кивает.

— Да.

Я чувствую, как внутри меня что-то меняется. Не исчезает. Не прощается. Не становится проще. Просто меняется. Человек, которого я столько лет представляла одним образом, вдруг становится объёмнее. Сложнее. Живее. И от этого неожиданно труднее злиться.

— Это объясняет, — тихо говорю я.

Он смотрит на меня внимательно. Очень внимательно.

— Но не оправдывает.

— Нет.

— Никогда не оправдает.

— Я знаю.

И в этот момент я верю, что знает. По-настоящему. Лифт звонко сигналил за спиной. Двери открываются. Мы оба оборачиваемся на звук.

Будто кто-то спас нас от необходимости говорить дальше. Я делаю шаг назад. Потом ещё один.

— Я слышала тебя.

Это всё, что получается сказать. Павел медленно кивает.

— Спасибо.

— Не за что.

— Есть за что.

Я уже захожу в лифт. Двери начинают закрываться. Последнее, что успеваю увидеть, — его взгляд. Спокойный. Уставший. И странно открытый. Не просящий. Не ожидающий. Просто честный. Потом двери смыкаются. И я остаюсь одна. С собственными мыслями. С декабрьским вечером за стенами здания. И с папкой, которая за последние десять минут стала намного тяжелее.

На улице уже темно. Декабрь в этом году словно торопится закончить день как можно раньше. Ещё недавно люди выходили с работы при тусклом зимнем солнце, а теперь город встречает их огнями витрин и отражениями фонарей в мокром снегу. Я иду к метро. Не быстро. Мысли мешают идти быстро. Снег тихо поскрипывает под подошвами. Где-то

впереди смеётся компания студентов. Кто-то тащит ёлку, завёрнутую в сетку. Из кофейни на углу пахнет корицей и выпечкой. Обычный декабрьский вечер. Только внутри у меня всё совсем не обычно.

Папка. Папка стала тяжёлой настолько, что её уже почти невозможно делать вид, будто её нет. «Потому что ждал, что ты уйдёшь». Я снова слышу его голос. Спокойный. Усталый. Без попытки вызвать жалость. Именно поэтому фраза продолжает крутиться в голове. Мать, которая однажды уехала. Мальчик, оставшийся ждать. Тридцать лет ожидания повторения одной и той же истории.

Я раздражённо выдыхаю. Нет. Нельзя. Нельзя позволять себе слишком быстро сочувствовать. Сочувствие опасно. Оно умеет незаметно превращаться в оправдание. А оправдания здесь нет. Никогда не было. И всё же...

Я останавливаюсь у входа в метро. Поднимаю голову к небу. Снег продолжает падать. Крупный. Медленный. Спокойный. И думаю о том, что объяснение и оправдание действительно разные вещи. Очень разные.

В вагоне почти пусто. Напротив сидит пожилой мужчина с пакетом мандаринов. Запах неожиданно напоминает детство. Новый год. Школьные каникулы. Время, когда мир казался проще. Я достаю телефон. Некоторое время просто смотрю на экран. Потом открываю чат с Верой. Пальцы сами набирают:

«Можно сегодня?»

Ответ приходит почти сразу. Как будто она держала телефон в руках.

«Конечно».

Пауза. Следующее сообщение появляется через секунду.

«Максим экспериментирует с курицей. Есть риск научного открытия».

Я невольно улыбаюсь.

«По одному рецепту?»

Ответ приходит мгновенно.

«По двум одновременно».

«Страшно».

«Нам тоже».

«Еду».

Телефон снова исчезает в кармане. За окном мелькают огни станции. Я закрываю глаза. Ненадолго. Просто чтобы перестать думать хотя бы пару минут. Не получается.

У Веры тепло. Всегда. Даже не из-за температуры. Из-за ощущения дома. В прихожей пахнет чем-то запечённым, чёрным перцем и чесноком. Из кухни доносится голос Максима. Что-то про температуру духовки и физические законы. Я разубаюсь. Вера появляется почти сразу. Смотрит на меня. Очень внимательно. Потом обнимает. Ничего не спрашивая. И именно поэтому я понимаю, что она уже всё заметила.

— Привет.

— Привет.

— Курица жива?

— Пока нет.

— Значит, всё идёт по плану.

— Максим утверждает, что да.

Мы проходим на кухню. Максим стоит у духовки с выражением лица человека, которому доверили запуск космического аппарата.

— Привет, — говорит он.

— Привет.

Он смотрит на меня секунду дольше обычного. Потом спокойно кивает.

— Через десять минут будет готово.

И всё. Никаких вопросов. Никаких «что случилось». Никаких попыток помочь. Только возможность рассказать самой, если захочу. Иногда это самый заботливый вариант.

За ужином мы говорим о каких-то пустяках. О проекте. О погоде. О том, что декабрь в этом году похож на декабрь из детства. Максим рассказывает про какой-то спор в рабочем чате. Вера смеётся. Я слушаю вполуха. Они оба это замечают. Но продолжают разговор. Дают мне время.

Когда ужин заканчивается, Максим собирает тарелки. Потом смотрит сначала на меня, потом на Веру. И поднимается.

— У меня работа.

— Конечно, — говорит Вера.

— Конечно, — говорю я.

Он кивает. На секунду задерживается возле двери. Словно хочет что-то сказать. Но передумывает. И уходит в кабинет. Дверь закрывается. В квартире становится тихо. Мы остаёмся вдвоём. Вера ждёт. Я смотрю в кружку. Потом на снег за окном. Потом снова в кружку. И наконец начинаю рассказывать. С самого начала. Про разговор после встречи. Про вопрос. Про ответ. Про десятилетнего мальчика, который однажды решил, что все важные люди уходят. Когда заканчиваю, в комнате долго стоит тишина. Вера не отвечает сразу. Я уже знаю эту её особенность. Если она молчит, значит действительно думает. А не просто ждёт своей очереди говорить. Наконец она поднимает взгляд.

— Ну?

— Что ну?

— Ты сейчас рассказываешь мне это как человек, который уже всё понял.

Я хмурюсь.

— Не поняла.

— Поняла.

— Вера.

— Катя.

Я невольно улыбаюсь.

Совсем немного.

— Ладно. Частично поняла.

— Уже ближе.

Она устраивается удобнее на диване. Подтягивает ноги. Несколько секунд изучает меня. Потом говорит:

— Ты знаешь, что это не оправдание.

— Да.

— И знаешь, что это объяснение.

— Да.

— И знаешь, что после объяснения смотреть на человека прежними глазами уже не получается.

Я молчу. Потому что именно это и пугает больше всего. Вера замечает. Конечно замечает.

— Вот.

— Что вот?

— Вот поэтому ты здесь.

Я отвожу взгляд.

— Не только поэтому.

— В основном поэтому.

Тишина. За окном медленно кружится снег.

— Катя.

— Что?

— Чего ты на самом деле боишься?

Вопрос попадает точно в цель. Слишком точно. Несколько секунд я просто смотрю на свои руки. Потом тихо говорю:

— Что, если я открою папку...

Вера ничего не отвечает. Ждёт.

— И там окажется что-то, чего я не хочу видеть.

Она медленно кивает.

— Например?

Я сглатываю. Почему-то сказать это оказывается намного сложнее, чем думать.

— Например...

Слова застревают в горле.

— Например, что всё ещё не отпустила его.

Тишина. Настоящая. Плотная. Я чувствую, как сердце начинает биться быстрее. Словно признание сделало мысль реальнее.

— Или?

— Или что отпустила.

Вера удивлённо поднимает брови. Теперь уже моя очередь грустно усмехнуться.

— Это тоже страшно.

— Почему?

— Потому что тогда три года боли окажутся просто тремя годами боли.

Вера долго смотрит на меня. Очень долго. Потом мягко качает головой.

— Нет.

— Нет?

— Даже если отпустила, эти три года всё равно были важны.

Я ничего не отвечаю. Потому что пока не уверена, что верю ей.

— Ты слишком долго жила внутри этой истории, — гово-

рит Вера. — И теперь боишься узнать, кем стала без неё.

От этих слов внутри что-то болезненно откликается. Слишком близко. Слишком точно. Я отворачиваюсь к окну. Снег всё ещё идёт. Спокойный. Тихий. Настоящий декабрьский снег.

— Может быть, — говорю я наконец.

— Может быть, — соглашается Вера.

И почему-то впервые за весь вечер её любимое слово звучит не раздражающе. А как дверь, которую ещё не открыли. Но уже перестали запирать. Мы замолкаем. Не потому, что разговор закончился. Наоборот. Иногда самые важные разговоры состоят именно из таких пауз. Когда слова уже сказаны, но ещё не успели занять своё место внутри.

За окном медленно падает снег. Крупные хлопья кружатся в свете фонаря и исчезают в темноте двора. В квартире тихо. Где-то за стеной работает Максим. Изредка слышен скрип стула или приглушённый звук закрывающегося ящика. Обычная жизнь продолжается. И это почему-то успокаивает. Я подтягиваю ноги под себя и беру в руки чашку. Чай давно остыл. Но держать её всё равно приятно. Тёплая керамика создаёт ощущение чего-то надёжного. Чего-то постоянного. Вера наблюдает за мной поверх своей кружки. Не пристально. Не давяще. Просто рядом. Как человек, который знает, что рано или поздно я продолжу говорить сама. И оказывается права.

— Знаешь, что самое неприятное?

Она чуть склоняет голову.

— Что?

Я некоторое время смотрю в окно. Собираюсь с мыслями. Потому что сформулировать это оказывается сложнее, чем хотелось бы.

— Когда я ненавидела его, всё было проще.

Вера молчит. Я продолжаю.

— Не хорошо. Не легче. Но проще.

За стеклом проезжает машина. По потолку скользит свет фар. На мгновение кажется, будто снег начинает светиться изнутри.

— Был виноватый и была я. Всё.

Я пожимаю плечами.

— Это очень удобная конструкция.

— Конечно.

— Не нужно ничего пересматривать. Не нужно задавать вопросы. Не нужно сомневаться.

Вера медленно кивает. Она понимает. Я вижу это сразу.

— А теперь?

— А теперь он становится человеком.

Слова звучат почти раздражённо. Словно я злюсь на сам факт. Наверное, немного так и есть.

— И это бесит.

На этот раз Вера улыбается. Совсем чуть-чуть.

— Почему?

— Потому что с человеком сложнее.

Я отставляю чашку на стол. Провожу ладонью по лицу. Усталость наваливается неожиданно. Не физическая. Та, которая приходит после тяжёлых мыслей.

— Монстров очень удобно ненавидеть.

— Да.

— Людей гораздо сложнее.

Вера некоторое время молчит. Потом осторожно спрашивает:

— А ты действительно считала его монстром?

Я открываю рот. И не отвечаю сразу. Потому что вопрос оказывается неудобным. Слишком неудобным. Вера замечает это мгновенно. Конечно замечает.

— Вот видишь.

— Что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.